

Глава 1.

Куда приводит Трольстиген — Лестница троллей

Лестница троллей — необыкновенно крутая и извилистая дорога, и тянется она по горам норвежского округа Мёре-ог-Ромсдал. Это одна из самых опасных и красивых дорог мира — она резко петляет по отвесным скалам, скатывается всё ниже и ниже, мимо ледников, водопадов и покрытых лишайником каменных глыб, оставляя позади холодное молчание вершин Троллтиндэна — Троллевых гор.

Если ехать по этой дороге до самого конца, можно добраться до крохотного городка Ондалснес. Он ничем не отличается от других норвежских городков — такой же ухоженный, чистенький и красивый.

Но на самой его окраине, повернувшись боком к соседям, стоит двухэтажный каменный дом. Двор небольшой, совсем пустынный, если не считать декоративного кустарника вдоль невысокого забора. Крыша черепичная, остроконечная, из печной трубы круглый год валит дым. Окна завешены тяжёлыми шторами, а у входной двери такой мрачный и нелюдимый вид, что хочется скорее отвести от неё взгляд.

Хозяйки дома, три старушки, живут уединённо: ни с кем не общаются и даже не здороваются. Соседи давно уже привыкли к этому и перестали обращать внимание на сестёр (а старушки — родные сёстры). Старшую зовут Хельга, среднюю — Агнес, младшую — Магда. Выходят они из дома очень редко — за продуктами или в банк. Иногда им приходит почта. Густав Миллер, почтальон Ондалсна, оставляет её на пороге дома: старушки запретили ему стучаться в дверь и отрывать их от дел. Какие

у сестёр дела, герр Миллер не знает, но безропотно выполняет их требование.

В день, о котором пойдёт речь, сёстрам Паульсен пришло два письма. Один конверт был увесистый, сплошь обклеенный марками, а второй совсем лёгкий, словно в нём ничего нет. Герр Миллер даже потряс его, чтобы проверить, не пуст ли он. Потом почтальон оставил оба письма на крыльце и, аккуратно прикрыв за собой калитку, удалился.

Магда как раз готовила завтрак — жарила яичницу. Она подождала, пока почтальон скроется из виду, и только потом забрала письма. Едва взглянув на них, она заторопилась к двери, ведущей в чулан, крепко сжимая в руке лёгкий конверт.

Чулан представлял собой мрачное зрелище: с потолка свисали пучки сушёных растений, углы затянули лохмотья паутины, а единственное окошко было наглухо закрыто деревянными ставнями.

Хельга и Агнес затеяли уборку. На самом деле настала очередь Агнес убираться в доме, а Хельга просто увязалась за ней — вот уже третью неделю она рыскала по дому в поисках каких-то документов. Кажется, именно здесь Хельга нашла то, что искала. Перевернув вверх дном содержимое старого ларя, она наткнулась на потрепанную папку с тиснением на обложке. Когда Магда появилась на пороге чулана, Хельга рассматривала небольшой лоскут холста, который только что извлекла из папки. Агнес, раздражённо бурча под нос, подметала пол: она не любила, когда ей мешали прибираться.

Хельга, не обращая на неё внимания, вертела в руках свою находку.

— Ничего при таком освещении не разглядеть. Магда, принеси фонарик! — обратилась она к сестре.

— Лучше поднимайтесь наверх, у меня письмо! — ответила Магда.

— Делать нечего — туда-сюда шагать! — проворчала Агнес, но отложила щётку и пошла к лестнице.

Хельга молча ступала следом.

Магда надорвала конверт и вытащила оттуда крохотный клочок бумаги. Это была телеграмма. Послание короткое, всего в несколько слов: «Кажется, я кое-что о них узнал. Позвоню в пятницу вечером. Ждите», — прочитала она вслух.

Хельга с Агнес даже не стали уточнять, от кого пришла телеграмма. Они забрали у Магды листочек и пробежали его глазами.

— О ком он кое-что узнал? — спросила Агнес.

— Может, о детях, с которыми Оскар был на ярмарке? Помните мальчика и девочку?

— Отвратительные дети! — поджала губы Магда. — Очень невоспитанные. Вы видели, как они висли у него на шее? Как

можно себя так развязно вести? В нашем приюте за такие телячьи нежности мигом наказали бы розгами!

— Да, дети сейчас совсем отбились от рук,— закивала Хельга. — Кстати, неплохо бы поесть. Что там с завтраком?

— Яичница! — хлопнула себя по лбу Магда.

За закрытой дверью кухни клубился сизый дым: забытая на огне яичница превратилась в угольки. Хельга быстро распахнула окно, Агнес схватила с плиты сковороду, кинула её в мойку и пустила воду. Зря она, конечно, это сделала, потому что от раскалённой сковороды поднялся густой пар и заполнил всю кухню.

— Ну ты и дура! — закашлялась Магда.

— От дуры слышу! — огрызнулась Агнес. — Между прочим, это не я, а ты спалила яичницу.

— А ты зачем-то решила плеснуть воду в горячую сковородку!

— А ты...

— Не время ссориться! — прикрикнула на сестёр Хельга. — Магда, ты моешь сковороду и жарешь новую яичницу. А ты, Агнес, открой входную дверь. Нужно устроить сквозняк, проветрить дом!

Через пятнадцать минут разгром в кухне был устранён, а сёстры завтракали яичницей, бутербродами с сёмгой и горьким кофе. На дворе стояло погожее августовское утро — с фьорда дул свежий ветер, на небе светило солнце, а макушки Троллевых гор утопали в белоснежном ворохе облаков. Но сёстры ничего этого не замечали. Они сидели за столом — холодные, не улыбочивые — и ели свой солёный и переперченный завтрак.

По улице, весело бибикая, проехал фургончик с мороженым. Магда проводила его колючим взглядом, но смолчала.

Вдруг Агнес вспомнила про лоскут холста, который Хельга нашла в чулане.

— Кстати, куда ты подевала свою находку? — спросила она.

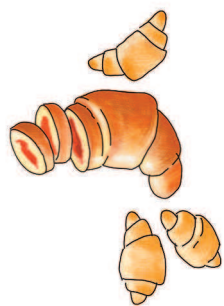
— Ах да! Сейчас... — Хельга заторопилась в прихожую.

Скоро она вернулась и положила на край стола то, что обнаружила в папке. Это был небольшой портрет. Краска потемнела, покрылась трещинами и местами облупилась, но при ярком дневном свете можно было различить лицо рыжебородого мужчины. Если бы изображение не было таким старым, — по крайней мере лет двести на вид, — можно было бы с уверенностью сказать, что это портрет дедушки Оскара.

— Я же говорила, что где-то его видела! — победно хмыкнула Хельга.

Глава 2,
в которой
начинает сбываться
предзнаменование

Отпуск Сьюрсены провели в Марокко. Детям всё очень понравилось — и солнечные пляжи, и пёстрые базары, и улыбчивые аборигены. Но особенно пришлась им по вкусу сладкая выпечка, которой славится марокканская кухня. В пансионе, где Сьюрсены прожили почти весь июль, эти чудесные сладости подавали на завтрак и ужин. Мама напросилась на кухню к повару Сиди Амиду и несколько дней наблюдала, как он колдует над тестом. А потом записала с его слов множество рецептов.

— На Рождество, кроме привычной выпечки, будет ещё и марокканская, — пообещала она обрадованным детям.